

С.А. Осокина

Алтайский государственный университет

**Устойчивое сочетание слов – единица
языкового опыта человека**

Аннотация: Статья рассматривает понятие языкового опыта и доказывает, что единицей языкового опыта человека является устойчивое сочетание слов. На основе критического обзора наиболее известных лингвистических концепций о параметрах устойчивости сочетаний слов в речи делается вывод, что устойчивыми сочетаниями слов можно признать речевые стереотипы, которыми говорящий оперирует ежедневно. Употребление данных сочетаний является основой формирования языкового опыта человека.

The article discusses the notion of the language experience and proves that the collocation is the unit of this experience. Taking into consideration the most noted linguistic conceptions of the parameters of set collocations, we come to the conclusion that speech stereotypes must be acknowledged as the units of the language which the speaker needs to use every day. The usage of these collocations forms the basis of the language experience.

Ключевые слова: языковой опыт, устойчивое сочетание слов, стереотип.

Language experience, collocation, stereotype.

ББК: 81.003.

Контактная информация: Барнаул, ул. Димитрова, 66. АлтГУ, филологический факультет. Тел. (3852)366376. E-mail: osokina@filo.asu.ru.

Категория опыта является одной из ключевых в философии и психологии, ее используют при доказательстве своих теоретических положений представители практически всех гуманитарных наук, однако в лингвистике данная категория пока незаслуженно остается без значимого внимания. Между тем, изучение языкового опыта человека помогло бы решить многие наболевшие проблемы современной лингвистики. Категория языкового опыта подробно рассмотрена нами в работе «Языковые механизмы воздействия на человека» [Осокина, 2007, с. 82–86]. Цель данной статьи – доказать, что единицей языкового опыта человека является устойчивое сочетание слов.

В отечественном языкознании мысль о том, что «строительным материалом» языковых произведений, текстов, является словосочетание – одна из наиболее традиционных. Вслед за В.В. Виноградовым [Виноградов, 1977] советские языковеды дифференцировали сочетания слов на свободные, несвободные и фразеологические. Первые и последние представляют собой полярные типы словосочетаний. Разница между ними состоит в том, что свободные сочетания представляются как связь любых слов любой семантики, основой связи выступает только грамматическая зависимость, в то время как фразеологически связанные сочетания слов строятся на основе исторически закреплённой семантической связи слов, при которой значение одного слова предопределяет возможность его сочетания не с любым другим словом, а с определённым словом определённой семантики.

Объяснение связности слов в словосочетании на синхронном срезе языка историческими условиями развития семантики слов В.Н. Телия назвала парадоксальным [Телия, 1995, с. 25–35], ведь современные носители языка употребляют данные сочетания слов, не зная и не осознавая исторической основы связи слов в их составе. Они делают это по традиции, воспроизводя те последовательности слов, которые привыкли слышать от своих родителей.

Признание словосочетания номинативной единицей языка вполне закономерно обуславливает развитие представления о том, что длинные высказывания вообще строятся на основе воспроизведения только определенных семантически связанных сочетаний слов.

Данную мысль высказывал И.Е. Аничков: «Обычному, не высказанному никем, но негласному, как само собой разумеющееся, принимаемому мнению о необъятности всего множества возможных на каждом языке сочетаний слов я противопоставляю положение об устойчивости и уловимости сочетаний слов. Ни одно слово не может вступить в сочетание с любым другим словом; каждое слово сочетается с ограниченным сочетанием других слов, и в каждом случае границы могут и должны быть нащупаны и установлены» [Аничков, 1997, с. 106].

Привычность сочетаний слов, из которых состоит текст, их восприятие носителями как абсолютно нормального, естественного способа соединения слов, делает их, с одной стороны, незаметными и не вычленимыми из текста, с другой стороны, именно привычность и естественность сочетаний слов в тексте свидетельствует в пользу того, что они являются устойчивыми и регулярно воспроизводимыми сочетаниями слов.

Концепции В.В. Виноградова и И.Е. Аничкова являются полярными точками в интерпретации понятия устойчивости, но, в сущности, они не противоречат друг другу. Различие состоит в том, что В.В. Виноградов ставит акцент на высокой степени семантической слитности фразеологически связанных сочетаний, а И.Е. Аничков указывает на то, что некоторая степень семантической связности слов, пусть даже минимальная, может быть обнаружена в любых сочетаниях слов, которые используются в речи каждый день. Таким образом, грань между фразеологическими и так называемыми свободными сочетаниями слов проводится достаточно условно.

Между тем, устойчивость большинства сочетаний слов, на основе которых говорящий строит свою речь, уже давно обнаружена в работах по методике преподавания иностранных языков. То, что незаметно в родном языке, при изучении иностранного языка «бросается в глаза»: русские говорят *смотреть телевизор*, англичане – *смотреть телевидение* (*to watch TV*), русские – *выйти на улицу*, англичане – *выйти наружу* (*to go outside*), русские – *сидеть на диете*, англичане – *задерживаться на диете* (*to stay on a diet*); подобные примеры можно приводить до бесконечности.

Методист П.Б. Гуревич пишет: «Слово функционирует в речи лишь благодаря своим связям с другими словами и другими языковыми единицами... Можно утверждать, что глубинным содержанием обучения лексике является формирование всех необходимых для речи связей слов, или словесных стереотипов» [Гуревич, 1974, с. 51].

Данные наблюдения, сделанные в сугубо методическом прикладном аспекте, оказываются весьма ценными для лингвистических исследований. Они подтверждают тот факт, что существование устойчивых воспроизводимых сочетаний слов, на основе которых говорящий строит свою речь – объективная данность. Человек, унаследовавший язык от своих предков, не создает их, а лишь фиксирует.

В последнее время идея существования словесных стереотипов является одной из наиболее интенсивно обсуждаемых. Как правило, в эту категорию языковых знаков относят самые различные последовательности слов, которые осо-

знаются говорящим как некий «чужой», или «прецедентный» (термин Ю.Н. Караулова) текст, когда-то услышанный им и благодаря своей экспрессивности, зафиксировавшийся в памяти. Арсенал подобных выражений чрезвычайно разнообразен и разнотипен. К ним относятся и собственно словосочетания (объединения слов на основе подчинительной связи), и воспроизводимые объединения слов на основе неподчинительной связи, и высказывания, имеющие структуру предложения. Речь идет об идиомах, клише, речевых штампах, «крылатых словах», популярных цитатах и прочее.

Наиболее адекватным термином для обозначения всего этого разнообразного материала можно признать «речевые стереотипы»: «Под речевыми стереотипами мы понимаем отрезок высказывания (или целое высказывание), включенное в контекст, представленный свободными компонентами высказывания (высказываниями)... – те фрагменты, которые говорящий употребляет как чужую речь» [Николаева, 2000, с. 149]. Также используется термин «коммуникативные стереотипы» (автор термина – Л.В. Кнорина, на чьи работы ссылается Т.М. Николаева).

С точки зрения использования стереотипов коммуникантами, факт их постоянного употребления можно объяснить человеческой ленью, которая по общему признанию, является основным «двигателем прогресса», или стремлением экономить свои усилия. Во-первых, экономятся физические усилия при произнесении фраз (всегда легче «с языка сходит» то, что было произнесено уже сотни раз, чем то, что произносится впервые или произносится редко, так как физические движения артикуляционного аппарата по произнесению данной фразы не отработаны до автоматизма); во-вторых, экономятся умственные усилия по пониманию клишированной фразы, так как мозг привык к ее восприятию и обработка информации происходит мгновенно.

Основная же причина употребления стереотипов, на наш взгляд, несколько иная: мы говорим стереотипами потому, что у нас просто нет выбора. Мы обречены это делать. Мы воспроизводим то, что слышали от родителей с детства. Иногда мы меняем местами фрагменты стереотипов, заранее рассчитывая на то, что каждый из стереотипов будет узнан, и нас похвалят за остроумие. В результате появляются такие высказывания, как, например, *молчит, как рыба об лед* или *войти в ступор*.

Необходимо отметить, что Т.М. Николаева и многие другие исследователи применяют термин «стереотипы» только к таким высказываниям, которые фигурируют в речи как элементы «чужой речи», даже если автор этой чужой речи неизвестен. Поэтому стереотипы противопоставляются так называемым «свободным» словосочетаниям и узнаются только на фоне нейтрального (нестереотипного) контекста. Мы же выдвигаем положение, что и все другие сочетания слов, которыми человек оперирует в своей речи, также стереотипны и клишированы, как фрагменты «чужой речи».

Дело в том, что мы не осознаем тот факт, что постоянно говорим чужой речью, а именно – теми фразами, теми «правильными употреблением языка», которые нам навязали с раннего детства взрослые – родители и учителя. Стереотипы чужой речи, по сути, мало чем отличаются от всей остальной речи. Они отличаются только тем, что вся остальная речь не осознается как чужая. То есть, клишированные сочетания слов и свободные отличаются не сами по себе (в их языковой сути нет никаких отличий!), а нашей собственной оценкой своей речи. Часть сочетаний слов мы оцениваем как «чужие высказывания», а другую часть – как наши собственные. И поскольку мы живем с иллюзией, что сами порожаем речь (этот стереотип, кстати, тоже навязан нам учителями, в том числе филологами), мы не замечаем ее стереотипность.

В самом деле, когда каждый день хозяйка дома говорит своим домашним *Пойдемте пить чай* или *Идите есть, суп остывает* разве она продуцирует речь,

а не воспроизводит то, что она говорит каждый день и что каждый день говорила ей мать в детстве? Банальность и повседневность этих фраз делает их настолько привычными, что мы просто их не замечаем и не устаиваем каким-либо особым лингвистическим статусом. Между тем именно эти обыденные фразы, эта языковая повседневность, дает говорящему возможность создания некоего особого словесного стереотипа, который будет употребляться другими людьми осознанно и восприниматься как «чужая речь». Для этого достаточно только взять обыденный стереотип и видоизменить его таким образом, чтоб исходный стереотип оставался очевиден: например, вместо обычного сочетания, которое мы слышим каждый день, *В эфире новости* можно сказать *В кефире новости* – и вот вам фраза для рекламного ролика кефира, у которой очень много шансов начать функционировать как речевой стереотип в традиционном смысле. Причем в ходе своего функционирования она обретет множество новых смыслов, так что сочетание *кефирные новости* уже вполне сможет соотноситься и не только с новостями о кефире.

Необходимо особо подчеркнуть, что в представленном выше кратком обзоре лингвистических концепций устойчивость и воспроизводимость сочетаний слов, функционирующих в речи на уровне стереотипов, объясняется семантической связностью слов в составе данных сочетаний и их повышенной экспрессивностью. В обыденных стереотипах критерий экспрессивности не всегда работает. Мы полагаем, что в обыденной речи человек сочетает слова так, а не иначе, потому что просто привык слышать их именно в таком сочетании и абсолютно не отдает себе отчет, что слова можно сочетать и по-другому. Семантика здесь не при чем. Семантическая связность слов внутри словосочетания, скорее, не причина объединения слов, а следствие их объединения. Поэтому, когда лингвисты пытаются объяснить правила сочетания слов, анализируя их семантику в составе словосочетания, происходит подмена причины следствием.

Более важный вопрос, над которым следует задуматься – это вопрос о степени свободы в языке. Если допустить, что все говорение основано только на воспроизводстве готовых шаблонов, то за счет чего будет обеспечиваться развитие языка?

Частично, мы уже ответили на этот вопрос. Свобода человеческого творчества в языке, видимо, проявляется как способность видоизменять функционирующие в данный момент словесные стереотипы. Человек создает новые слова и новые удачные словосочетания, пользуясь тем строительным материалом, который уже имеется в языке. Ничего принципиально нового не создается. Как неологизмы строятся из морфемного материала данного языка, так и новые сочетания слов строятся на основе уже имеющихся.

Л.Н. Мурзин и А.С. Штерн утверждают: «Чем ниже языковой уровень, тем меньше у него степеней свободы, и наоборот, чем выше уровень, тем больше степеней свободы, ибо на более низком уровне число единиц, и следовательно их вариантов, меньше, чем на более высоком» [Мурзин, Штерн, 1991, с. 39]. Это чисто математическое понимание степени свободы языкового творчества, и в нем есть рациональное зерно. Однако, данную точку зрения нельзя абсолютизировать, иначе придется признать, что такие свободные последовательности слов как специально сконструированная Н. Хомским фраза *Бесцветные зеленые идеи яростно спят* являются вершиной человеческого творчества.

Мы полагаем, что истинным творчеством является мастерское использование имеющегося материала. Гениальность писателя состоит не в создании неологизмов и окказиональных сочетаний слов – это лишь мелкие вспомогательные приемы – а в умении сказать слово читателю так, чтобы он воспринял его, как сказанное им самим слово. Для этого необходимо уловить, какими **сочетаниями слов** говорят люди вокруг, и зафиксировать свои знания в тексте.

Воспроизводимые сочетания слов представляют собой некий метатекст – набор уже реализовавшихся текстов, который является основным условием и строительным материалом для создания новых текстов. Таким образом, каждый конкретный текст представляет собой определенную уникальную последовательность устойчивых сочетаний слов.

Устойчивые сочетания слов являются эмпирическими фактами языка. Это **единицы языкового опыта** каждого отдельного индивида, но благодаря своей языковой устойчивости данные единицы опыта соотносимы у всех носителей языка. Невысокая степень соотносимости устойчивых сочетаний слов в речи разных субъектов говорения свидетельствует о наличии барьеров понимания между ними. Если один человек употребляет в своей речи выражения *нормы морали*, *безнравственный поступок*, *средства массовой информации*, а другому эти сочетания слов чужды, он никогда не употребляет их в речи, то данные собеседники в прямом смысле не имеют общего языка, или говорят на разных языках. Не случайно образованную публику первое время очень раздражало употребление М. Горбачевым таких слов, как *дóговор* или *нáчать*. Не зависимо от того, употреблялись ли эти слова специально, для установления более близкого контакта с народом, или действительно были характерны для данной языковой личности, очевидно одно: образованных людей они раздражали, потому что были вставлены в несоответствующий контекст – в устойчивые сочетания слов, характерные для грамотных слоев населения *подписать договор* или *начать вести переговоры*.

Опыт определяется в философии как чувственно-эмпирическое отражение мира. Полученные опытным путем знания о мире хранятся в памяти индивида. Следовательно, языковой опыт представляет собой сохранение в памяти некоторых образцов языкового употребления и использование этих образцов при построении новых высказываний.

Память не может хранить все услышанное человеком в течение его жизни в том хаотичном порядке, в каком человек это получает. Для этого памяти необходимо определенным образом упорядочивать все слышимое человеком в определенных языковых единицах. Такими единицами могут выступать только воспроизводимые в речи сочетания слов, а не отдельные лексемы и тем более не абстрактные грамматические категории. Именно в сочетаниях слов, а не в отдельных словах проявляется грамматическая оформленность языка, и именно в сочетаниях виртуальный знак словаря обретает свое реальное лексическое значение.

Опыт – источник знания о мире. Языковой опыт представляет собой особое проявление общепhilософской категории опыта, поскольку он – не просто источник знаний о языке, но и способ упорядочивания мира. Для иллюстрации выказанного положения приведем следующий пример. Вечером на улице, заметив, что во всех окнах погас свет, ребенок говорит маме: «Мама, смотри, света потухли». Мать отвечает: «Да, только надо говорить не *света потухли*, а *свет потух*». – «Свет потух», – повторяет ребенок, закрепляя полученное знание и получая одобрительную оценку мамы.

Подобные диалоги между взрослым и ребенком происходят постоянно: речь ребенка корректируют родители, воспитатели, логопеды, затем учителя в школе и вузе, наконец, взрослый человек постоянно корректирует свою речь посредством живого общения с другими людьми и читая тексты. С годами набор слов в памяти человека увеличивается, закрепляется знание о том, какие слова с какими сочетаются, а с какими нет, в каких грамматических формах следует употреблять слова в том или ином сочетании в том или ином контексте. Постепенно, у человека складывается так называемое «знание языка», и человек начинает думать, что он вполне самостоятельно, поддаваясь только действию собственной воли, может продуцировать тексты на определенном языке и тем самым передавать информацию другим людям.

Однако если вернуться к приведенному выше диалогу матери и ребенка и внимательно проанализировать его, то станет совершенно очевидно, что в речи ребенка изначально не было ошибки: он увидел множество погасших окон и выразил этот зрительный образ в множественной форме слова *свет* в сочетании *света потухли*. Значительно более богатый языковой опыт матери, привыкшей слышать и говорить в подобных ситуациях *свет потух*, употребляя слово *свет* в единственном числе, заставляет ее скорректировать фразу ребенка, оформив ее «более правильно» – то есть согласно своему языковому опыту.

В результате корректируется не только речь ребенка, но и его зрительный образ, то есть форма существования сознания: представление о световом множестве заменяется на представление о неисчислимости света. Сначала произошедшая замена не осознается, ее осознание происходит в тот момент, когда человек формулирует для себя, что в русском языке слово *свет* – имя существительное неисчисляемое, так как обозначает неделимую субстанцию. Свет есть «неделимая субстанция, обладающая определенными свойствами» – вот какое значение слова *свет* формируется в голове человека. Ученые потом начинают вести дискуссии по поводу данного значения. Вопрос о том, что данное значение – следствие некритического воспроизведения той фразы, которую навязала ребенку мать, даже не встает! К тому моменту человек уже не помнит, каким ему представлялся свет до закрепления идеи неисчисляемости.

Таким образом, формы сознания и как следствие формы знания напрямую зависят от форм языка, а последние представляют собой доведенное до автоматизма воспроизведение языкового опыта людей. Наличие устойчивых сочетаний слов в речи – результат сначала пассивного, а затем активного использования языка. В основе всего говоримо человеком на протяжении жизни лежит оперирование устойчивыми сочетаниями слов в речи. Устойчивые сочетания слов – единицы языкового опыта человека.

Литература

- Аничков И.Е. Труды по языкознанию. СПб., 1997.
Виноградов В.В. Лексикология и лексикография. М., 1977.
Гуревич П.Б. Основы обучения русской речи на языковых факультетах. Владимир, 1974.
Мурзин Л.Н., Штерн А.С. Текст и его восприятие. Свердловск, 1991.
Николаева Т.М. От звука к тексту. М., 2000.
Осокина С.А. Языковые механизмы воздействия на человека. Барнаул, 2007.